

**ГЕОРГИЙ
БАЖЕНОВ**

БУМЕРАНГ

Георгий Баженов

Бумеранг

«Баженов Георгий Викторович»

2006

ББК 84(2РосРус)6

Баженов Г. В.

Бумеранг / Г. В. Баженов — «Баженов Георгий Викторович»,
2006

ISBN 5-7117-0114-2

«Бумеранг» – не обычный традиционный роман, а скорее триптих, рассказывающий о жизни творческой элиты, точнее – о работе, любви и жизни журналистов и фоторепортеров. Автор знает материал изнутри, поскольку долгие годы сам (до того как стать писателем) работал специальным корреспондентом одного из столичных журналов. Искренность, глубина, острота и поэтичность материала – вот чем привлекает читателя роман Георгия Баженова «Бумеранг». Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2РосРус)6

ISBN 5-7117-0114-2

© Баженов Г. В., 2006

© Баженов Георгий Викторович, 2006

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Георгий Баженов

Бумеранг. Роман в 3-х частях

Часть первая

Шуба

У Петрова была болезнь: он все время ждал важных сообщений. Возвращался ли он из командировки или просто приходил с работы, первое, что он спрашивал у жены: «Мне никто не звонил?» То, что он три или четыре раза на день заглядывал в почтовый ящик, об этом и говорить не приходится. Жена у Петрова – коренная москвичка – была полной его противоположностью, она ниоткуда не ждала никаких сообщений, все родственники ее жили в Москве, общались они, когда хотели, по телефону, обычные разговоры, то да се, ничего сверхважного, просто жизнь. А Петров болел телефоном. И не пустая болтовня интересовала его, не обычные дежурные звонки, а именно вот это – важные сообщения. Когда-то он приехал в Москву с Урала – учиться в университете, окончил факультет журналистики, женился на москвичке и, естественно, как всякий провинциал, делающий себе карьеру в Москве, добился этого с помощью двух друзей: телефона и почтового ящика. Телефон и почту он боготворил – обо всех важных переменах в своей жизни он узнавал либо из телефонного аппарата, либо из почтового ящика... Разве мог он забыть, например, как однажды зазвонил телефон и густой мужской голос спросил у него:

«Владислав Юрьевич?»

«Да, да».

«Добрый день. Вас беспокоит ответственный секретарь журнала Петухов. Мы прочитали ваш очерк, думаем ставить его в номер. Вы давно пишете на морально-нравственные темы?»

«Да как вам сказать... – Голос Петрова, хотя он и сдерживал внутреннее волнение, слегка подрагивал. – Пожалуй, это мой первый серьезный опыт в этом роде...»

«Вы разве не профессиональный журналист?»

«Я учусь в университете, на факультете журналистики. Четвертый курс...»

«Ну что ж, Владислав Юрьевич, от души поздравляю вас! Надеюсь, на этом наше сотрудничество не закончится...»

Разве это был не один из самых счастливых дней в его жизни?! Впервые у него взяли очерк не в газету (что газета, тьфу!), а в журнал, в знаменитый столичный журнал, расходящийся миллионным тиражом по всей стране.

Или мог ли Петров забыть, как в одно прекрасное утро – лет через пять после первого звонка – тот же голос проворковал ему дружески:

«Слушай, старик, а мы выдвигаем тебя на премию года...»

«Шутишь, Семеныч?!» – А ведь опять Петров еле сдерживал волнение, хотя, казалось бы, за последние годы стал тертым калачом в журналистике.

«Короче, старик, с тебя столик в «Арагви». И принеси к четвергу фотографию. Дело решенное, редколлегия поздравляет тебя!»

Или как забыть Петрову голубой конверт, который однажды он достал из почтового ящика и вздрагивающими пальцами распечатал его прямо там, внизу, на лестничной площадке?! На фирменном бланке с печатями сухо (сухо, но сколько в этом было поэзии!) сообщалось, что московская секция Союза журналистов СССР поздравляет тов. Петрова В.Ю. с принятием его в члены Союза журналистов и желает ему дальнейших творческих успехов.

Мог ли Петров после этого не боготворить телефон и почтовый ящик?!

В тот день среди газет и журналов Петров обнаружил в ящике извещение о денежном переводе. Сердце его радостно екнуло: 500 рублей! Он стал лихорадочно вспоминать: где и за что могли начислить такой гонорар? В нескольких журналах лежали статьи, в одном издательстве взяли опубликованный уже очерк для коллективного сборника, что еще? Во всяком случае, в ближайшее время он не рассчитывал на такой большой гонорар. Петров повертел перед глазами извещение – не сразу и поймешь, откуда оно, пока не пойдешь на почту и не заполнишь оставшуюся часть бланка. Петров улыбнулся: откуда бы ни были, деньги есть деньги. Тем более приятно, что деньги неожиданные и такие большие...

Не заходя домой, Петров тут же отправился на почту.

Роста Петров удался не просто высокого, а очень высокого – сто восемьдесят девять сантиметров. Худой, с широкими плечами, в потертых джинсах, в спортивной майке-ковбойке, в ботинках-кроссовках, он больше походил на баскетболиста, развязного и вальяжного – если судить еще и по походке, чем на журналиста. И очки он никогда не носил. Даже блокнотов не заводил, ничего туда не записывал, во всяком случае – на виду у героев, о которых собирал материал. Он просто как бы ненароком, мимоходом интересовался их жизнью, порой даже спорил с ними, вызывал на откровенность, человек терял бдительность, начинал выговариваться, выдавать сокровенное и наболевшее. Очерки у Петрова получались задушевные, теплые, с проникновением в человеческую психологию. Обычно герои, читающие позже о себе, несколько терялись (он же столько сокровенного о них рассказывает!), а потом ничего, смирялись: вроде они действительно такие, во всяком случае – похожие, и наврано мало. Любили очерки Петрова и читатели – об этом говорили письма, которых немало приходило в редакцию после его публикаций.

Любили Петрова и женщины.

Вот он зашел на почту, и его, такого высокого, спортивного, сразу выделило несколько пар женских глаз. Женщины тем более обращали внимание на Петрова, что он как бы не видел их, не замечал. Но это, конечно, был внешний прием. Он тоже любил женщин, но, любя их, одновременно и презирал. Он презирал их за шаблонность мыслей и представлений, хотя шаблонностью этой пользовался. Каких мужчин любят женщины? Девяносто девять из ста – тут Петров мог дать голову на отсечение – любят: 1) денежных; 2) высоких; 3) мужественных; 4) знаменитых; 5) спортивно сложенных. Пяти пальцев на руке хватает, чтобы найти ключ к якобы загадочному женскому сердцу. Именно поэтому, любя женщин, любя брать от них все, что заложено в женщинах природой, Петров одновременно презирал их. Презирал – пожалуй, сильно сказано: он делал вид, даже для самого себя, что презирает их, – просто он посмеивался над ними. Не воспринимал всерьез. Что плохо лежало на дороге – брал; что не давалось в руки – проходил мимо. Плевать. Добра этого вокруг и рядом сколько угодно, стоит только внимательней посмотреть по сторонам...

Надо сказать, Петров не был нахальным человеком. У него были манеры. Вежлив и предупредителен, но без подобиострастия. Горделиво галантен. Разговаривал неторопливо, глубоко, проникновенным голосом. Женщины находили в нем что-то от природы благородное, породистость некую. Хотя, конечно, ничего подобного там не ночевало. Мать у Петрова работала уборщицей на уральском металлургическом комбинате, отец (оба, кстати, обычного, среднего роста) всю жизнь слесарил на том же заводе. Правда, относились к себе, к работе с достоинством, была в них, что называется, рабочая профессиональная гордость. Они чувствовали себя причастными к большому, нужному делу, ощущали себя не песчинкой, а частью гигантского рабочего коллектива, где каждый на своем месте хорош и пригоден, значителен и незаменим. Уважение к себе, к тому, что ты есть и чем занимаешься, – вот что наверняка перенял Петров у родителей, хотя вряд ли сам сознавал это. Родителей он не стыдился, такого за ним

не водилось, но себя, свою жизнь и профессию считал на порядок выше. Да тут и нет ничего удивительного, дети, верил Петров, должны всегда идти дальше родителей...

Так вот, Петров зашел на почту, и сразу несколько женских глаз с любопытством и симпатией отметили его высокую, атлетическую фигуру. Петров не обращал ни на кого внимания; сосредоточенный и серьезный, подошел к нужному окошку, встал в очередь. Девушки-операторы давно знали его, вот сейчас там сидела Оля, а есть еще Наташа, обе молоденькие, лет по девятнадцать, всегда в джинсах, стройные, обтянутые, прелесть-девушки, но с ними Петров никогда не заводил романов, только деловые отношения, вежливость, добрая, всепонимающая улыбка, легкий юмор. Он чувствовал: и Оля, и Наташа готовы пойти навстречу, они согласны на большее, чем просто вежливость или веселые разговоры, но у Петрова был принцип: деловые отношения – это деловые отношения. Как говорится, не рой яму там, где живешь. Оля, оторвавшись от очередного клиента, улыбнулась Петрову так, как будто только и ждала, когда он наконец появится на почте, Петров поднял в приветствии руку: мол, здравствуй, детка, – и сделал легкий благородный кивок головой, при этом тоже улыбнулся; Оля быстро порылась в ящике и, встав из-за стола, протянула через окошко бланк Петрову.

– Владислав Юрьевич, заполняйте пока.

И никто в очереди не воспротивился этому, даже не удивился нисколько, как будто так и должно было быть.

– Спасибо, Оленька. – Легким, изящным движением протянув руку над головами людей, Петров подхватил бланк и еще раз царственно, широко улыбнулся девушке.

Отходя от окошка все той же небрежной, вальяжной походкой, Петров затылком чувствовал, как его провожает взглядом не только Оля, но, наверное, вся очередь. Он усмехнулся.

Встав в сторонке и достав из кармана ручку, Петров наконец внимательно взглянул на бланк.

Деньги пришли из Ярославля. Петров удивленно изогнул бровь. Перевернул бланк. Ба, да здесь, оказывается, целое послание. Бровь Петрова изогнулась в еще большем удивлении. Взглянул на подпись – Наталья. «Наталья, Наталья?.. – завертелось в голове. – Неужели та, которая... Не может быть!»

Петров начал читать послание.

«Владик, дорогой! Не знаю, вспоминаешь ли ты меня, скорей всего – нет, кто я для тебя, так, обычная знакомая, каких у тебя наверняка много. Я к тебе обращаюсь по делу, на большее не рассчитываю. Помнишь, ты говорил: для тебя ничего не стоит достать шубу из искусственного меха. Производство США. Посылаю тебе деньги, как договаривались. Заранее благодарная – Наталья.»

P.S. Живу скудно. Часто вспоминаю тебя. Нашу встречу. Читаю твои очерки. Горжусь знакомством с тобой. Наталья.»

«Дура, кто же пишет такие вещи на домашний адрес, – подумал Петров. – А если б жена?..»

Но с еще большей тоской подумал о другом: деньги... Ну и вляпался, идиот, кто его тогда тянул за язык, а теперь черт знает какая обуза... Да и как она, дура, сама не понимает: одно дело – треп в теплой компании, где одно идет к одному, и совсем другое дело, когда прошло время, как-то все подзабыл ось, подтряслось... А может, он не журналист никакой? Может, обыкновенный пройдоха? Откуда она знает? Пятьсот рублей – бух – и послала. Ох и бабы... И что за мозги у них? Ей-богу, куриные.

Но делать нечего – Петров заполнил бланк. При этом продолжал чертыхаться в душе. Придешь сейчас домой, а в кармане пятьсот рублей. Откуда, почему? А вот, мол, дура одна прислала. На шубу. Да кто такая? Да знакомая одна. Наталья. «Что за Наталья? Впервые слышу», – скажет жена. «Да откуда тебе слышать о ней, она из Ярославля». – «Из Ярославля? Разве у тебя есть знакомые в Ярославле?» И вот так пойдет, пойдет, одно за другое, крутись, вертись,

объясняйся. Ох, проклятые, ох, дуры эти несусветные! Ну надо же: прислать пятьсот рублей! На шубу! Да он что, Петров, торговец какой-то? Маклер? Делец? Просто к слову пришлось: нашему, мол, брату-журналисту все по плечу. «И шубу можешь достать?» – спросила она тогда, улыбаясь. Шубу? – да это плевое для него дело! «И американскую можешь?» А что, конечно! («У меня и у жены американская», – хотел он тогда сказать, но не сказал, про жен лучше помалкивать в подобных ситуациях.) «А если я тебе деньги пришлю, купишь?» Куплю! (А что надо было отвечать: не куплю? Тогда зачем было хвастаться? Да и вообще он был уверен, что это так просто, застольный разговор, которому и значенья-то придавать не нужно.) И вот – прислала. Пятьсот рублей! Вспоминает она, видите ли, меня. Читает очерки. Гордится знакомством со мной. А мне теперь отдувайся. Нет, хорошенькое дело, она гордится – а мне шубу доставай. Да где он эту дурацкую шубу найдет? На дороге они, что ли, валяются?! Это надо же: «заранее благодарная – Наталья!»

Пока Петров заполнял извещение и чертыхался, очередь его незаметно подошла: он, правда, не следил за ней, но милая девушка Оля была начеку, крикнула глубоко задумавшемуся Петрову:

– Владислав Юрьевич! Пожалуйста, бланк. Ваша очередь подошла.

– А, спасибо, спасибо, – забормотал Петров и, подойдя к окошку, улыбнулся Оле дежурной, широкой такой улыбкой, как бы намекающей на что-то интимное между ними.

– Владислав Юрьевич, вам крупными купюрами или?..

– Крупными, крупными, конечно, – небрежно обронил Петров. – Богатому человеку, Оленька, не к лицу с мелочью возиться.

– Ох, хорошо вам, Владислав Юрьевич, – Оля, прежде чем считать деньги, несколько игриво, томно заглянула Петрову в глаза, – вы человек широкий, деньги сами идут к вам... А вот как быть нам, простым смертным, у которых и оклад-то всего восемьдесят пять рублей.

Принимая деньги и, конечно, не пересчитывая их, а небрежно сунув купюры между страницами паспорта, Петров в последний раз ободряюще-обещающе улыбнулся Оле.

– У любой женщины, Оленька, есть гораздо большее богатство. Это ее душа. Красивая женщина с красивой душой – вот все, что нужно для счастья!

А ведь разговор их слушали и другие люди в очереди, и, надо сказать, ничего пошлого в нем не находили, наоборот, этот молодой человек и в самом деле говорил любопытные вещи... Поэтому, когда он выходил из отделения, вслед ему глядело еще больше людей, чем когда он зашел сюда.

Нет, определенно, Петров умел нравиться людям.

В особенности умел нравиться женщинам.

Когда Петров вышел на улицу, он еще не знал, что будет делать дальше. То есть – что будет делать в следующую конкретную минуту. Деньги, которые он сунул в задний карман брюк, предусмотрительно «вжикнув» при этом фирменной молнией, эти деньги, надо сказать, приятно тяжелили карман. А что, пятьсот рублей – это пятьсот рублей, не пятерка, и даже не пятидесятирублевка. Немного жаль, конечно, что деньги не свои – чужие.

А все-таки странно... Неужели у него на лбу написано, что на него, Петрова Владислава Юрьевича, можно положиться? Вдруг он тогда безбожно врал Наталье? И этой, подруге ее... Необычное еще имя у нее оказалось, то ли женское, то ли мужское... Евгения?.. Нет, не то... Валентина? Тоже не то... Александра! Точно – подругу ее звали Александрой! Весь вечер они говорили: Саша, Саша, – улыбались, потому что в самом деле странное и хорошее имя. Между прочим, Саша эта Петрову понравилась больше, но что было делать – пришлось пожертвовать Сашей ради Юрика. Наталья была на голову выше Юрика: куда ему было до нее. А Петрову, впрочем, было все едино...

«Может, Юрику позвонить?» – усмехнулся Петров.

Это была идея.

Они не столько дружили, сколько разделяли одну судьбу. Правда, в разной упряжке. Юрик – фотокор, Петров – специальный корреспондент. Часто приходилось вместе ездить, делать общие материалы – Петров писал текст, Юрик Устьянцев делал съемку. И характера, и темперамента они были разного: Петров принимал решение быстро, был смел, находчив, ему часто везло – и по работе, и просто в жизни, везло и с женщинами, а Устьянцев слыл тугодумом, долго взвешивал, обдумывал то или иное решение, сомневался в себе, в своих силах, в качестве съемки, в правильности выбора натуры, ракурса и так далее. С женщинами, правда, у него получалось не совсем плохо, с годами выработался на них особый нюх: он не пытался знакомиться с теми, кто – он был уверен в этом – заранее смотрит на него как сквозь стенку. Ему нужна была гарантия, оправданная стопроцентной уверенностью, что он не промахнется, не потерпит постыдного поражения.

Юрик был чрезвычайно самолюбив и щепетилен.

И очень горд. Во всяком случае, таким он выглядел внешне.

А объяснялось все просто – Юрий Устьянцев не удался ростом.

Когда они шли рядом – Петров и Устьянцев – это была нешуточная картина. Тем более что Петров – всегда налегке, а Юрий Устьянцев – обвешанный фотоаппаратами, сумками, футлярами и прочей фотографической премудростью, вплоть до треножника.

Когда они сидели рядом, хотя бы даже в кафе, они смотрелись лучше. К тому же они умели подыграть друг другу. А это тоже немало значит во многих житейских и рабочих делах.

Решено – в каких-нибудь ста метрах от своего дома Петров вошел в телефонную будку. Набрал номер Юрика. К счастью, он оказался дома.

– Привет, старик. Трудисься?

– Да есть кое-что. С байкальской съемкой вожусь...

– Отложить не можешь?

– Что-нибудь срочное?

– Да как сказать... Посидеть с тобой надо, поговорить.

– Где?

– Ну, не дома же. У меня тут новости кое-какие есть... Между прочим, тебя они касаются тоже.

– Хочешь торжественно сообщить, что меня турнули с работы?

– Ну, Юрик, надо веселей смотреть на жизнь. Может, тебя как раз награда ожидает?

– «Уж не жду от жизни ничего я...» Не знаешь, чьи слова?

– Если честно, не знаю, Юрик. Хотя и слышал.

– Эх ты, классику надо знать. А еще сеешь в народ вечное, мудрое, светлое...

– Каюсь, Юрик, каюсь. Ну, так как насчет посидеть?

– У меня ни копейки.

– Как всегда. Но деньги есть, Юрик. Не беспокойся. А предложение такое: Савеловский вокзал помнишь?

– Да там же дыра, не ресторан.

– Вся штука, Юрик, в том, что именно в этой дыре я и хочу посидеть. Вспомнить кое-что.

– А именно?

– Помнишь, однажды мы сидели там? Премию отмечали?

– Было дело.

– С девушками познакомились. Из Ярославля. Как их звали, помнишь?

– Постой, постой... Мою, кажется, Сашей. А твою...

– Натальей. Вот об этой Наталье и поговорить надо.

– Она что, на хвост упала?

– Хуже, Юрик, хуже. Хотя, – Петров неожиданно рассмеялся, – черт его знает. Пугать тебя не буду, а то ты мнительный. Значит, договорились? Через час на Савеловском?

- Через полтора.
- Хорошо, Юрик, через полтора. Жду.

Как они оказались в прошлый раз на Савеловском? Да в общем случайно. Но если учесть, что редакция находится рядом с вокзалом, то можно сказать – не совсем случайно. Просто в привокзальный ресторан они никогда не ходили, поскольку знали, что кухня там не ахти. Да и обслуживание не блещет. Но так уж получилось – весь день работали не покладая рук, даже без обеда остались, материал срочно шел в набор, хоть убей – его нужно было довести до кондиции. К половине пятого добили. И тут им звонят, как в сказке, из бухгалтерии: «Ребята, почему не идете премию получать? Или забыли, что мы до пяти?» – «Какую премию?» – «Квартальную. Все давно получили, а вы в командировке мотались... Будете получать или уже не нуждаетесь в деньгах?» Помчались, конечно, в бухгалтерию. Ну, и как было не заглянуть в ресторан после такого рабочего дня? А есть хотелось: вот прямо сейчас выложи мне горячую отбивную – и все. Не надо нам богатых уютных ресторанов. Нам просто посидеть. Поесть. Отдохнуть. Прийти в себя. Вот так они тогда и оказались в привокзальном ресторане.

Полупустой, с высокими потолками, с несколько обшарпанными и откровенно грязными стенами, с подозрительного вида посетителями, среди которых заметно выделялись смело и громко спорящие цыгане, человек этак шесть или семь, с мешками, узлами и маленькими детьми, заматанные в разноцветное тряпье; с официантками с густо и грубо намалеванными губами и одним официантом-мужиком, примечательным своими засаленно-набриллиантиненными волосами и щербатым ртом; с кухней, которая, казалось, находится не в недрах здания, как обычно, а прямо посреди зала, тут и грохот посуды, и гвалт кухонных работников, и ссоры, и выяснения отношений официанток с поварами; одним словом – ресторан этот в некотором смысле был достопримечательностью Москвы, как бы берегающей это детище для возможных теле- и киносъемок о злочных местах и московских нравах ушедшего столетия, – в этом отношении, конечно, была здесь некоторая прелесть.

Петров с Юриком сели за угловой столик; ничем особенным он не отличался от других столиков, во всяком случае – скатерть на нем, как и всюду, была застиранно-грязной и жеваной, но одно преимущество было: на отшибе стоял столик, в углу, с хорошим углом обзора. Официантку, которая подошла к ним (не скоро, конечно, но подошла – с величавым покачиванием бедер, с брезгливо оттопыренными губами), звали, помнится, Клавой-Клавдией.

Так все и кричали вокруг: «Клава-Клавдия, на минутку!», «Клава-Клавдия, закуску!», «Клава-Клавдия, повторить!»

– Так, ребятки, – не глядя на них, а как бы скользя взглядом по макушкам их голов, – на первое – уха, на второе – гуляш с макаронами, на третье – компот. Брать будете?

Петров улыбнулся. Он не усмехнулся, а именно улыбнулся. Нужно было растопить ледяное сердце Клавы-Клавдии, он как бы поманил ее пальцем: мол, милая, дорогая, наклонись, пожалуйста.

Клава-Клавдия покосилась на него, но небрежного своего отношения к ним не изменила: видела, мол, и таких, которые улыбаются и пальцем поманивают, дальше что?

– Видите ли, мы пришли не обедать, – сказал Петров, хотя пришли они как раз поесть, – мы пришли посидеть...

– Так бы и сказали сразу...

Петров не нервничал. Петров продолжал по-хорошему, по-свойски улыбаться. Черт побери, такую женщину победить – это тоже задача, ведь есть же к ней какой-нибудь подход?

– Хотите, отгадаю, – сказал Петров, – у вас есть дочка и учится она в третьем классе?

Это было стопроцентное попадание.

Странное дело, но у Петрова частенько получались такие вещи: сам не зная откуда и почему, но он мог многое отгадать в человеке, лишь один раз внимательно взглянув на него.

Случались, конечно, и ошибки. Случались совершенно грубые непопадания. Но чаще всего в его отгадках теплилась истина. А в том случае – это было попадание «в десятку». При этом, конечно, само собой разумеется, что Петров никогда прежде не видел Клаву-Клавдию да и слыхом о ней не слышал.

– Ну, и дальше что? – Но голос у нее, хочешь не хочешь, а помягчел, доверять-то она не очень торопилась мужикам (мало ли, может, не первый раз здесь, кое-что и слышали о ней), но на всякий случай посмотрела на них повнимательней.

– Всё дело в том, – показал Петров царственным жестом на Юрика Устьянцева, – что перед вами сидит великий мастер фоторепортажа, фотопортрета и фотомонтажа товарищ Устьянцев. Между прочим, для знакомых делает исключения – фотографирует детей бесплатно. Так сказать, из любви к искусству.

– Вас поняла. Не требуется. – Отрубив таким образом возможность всяких заигрываний (Господи, да их бы стошнило, если бы они стали заигрывать!), Клава-Клавдия тем не менее прониклась наконец к ним чем-то вроде уважения и, самое главное, вниманием. – Так что будем заказывать, ребята?

– Клава, на первое – попросите отрезать два куска мяса, на второе – покрепче посолить и поперчить их, на третье – поджарить.

Клава-Клавдия снизошла до них, на этот раз улыбнулась:

– Долго ждать будете, ребята.

– Подождем, – улыбнулся Петров. – Мы люди не гордые. Между прочим, чтобы было побыстрее, товарищ Устьянцев может даже стать огненным пламенем.

– Как это? – повела глазами совсем потеплевшая к ним официантка.

– Ну, как? Фигурально, конечно. Вынет из груди горячее сердце художника и поджарит на нем отбивную.

– Ой, не смешите! – отмахнулась Клава-Клавдия. – Еще что будете заказывать?

– Ну, и международный армянский. Только, Клавачка, настоящий. Со звездочками. Это вас не я прошу, а корифей фотопортрета товарищ Устьянцев.

– По столько не положено...

– А по благу? – улыбнулся Петров.

– Да какой у вас благу? Ну ладно, принесу. Так и быть. – Клава-Клавдия, конечно, была уже своя. Родная. Теплая. Только не сразу хотела это признать.

– И по салатику, Клава. По хорошему салату. Между прочим, мы не ели со вчерашнего дня. Нужно уважить работников искусства.

Вот так они тогда устроились. В захудалом ресторане, среди Бог знает каких посетителей, в неудобном зале, но вскоре почувствовали себя совсем не плохо, потому что Клава-Клавдия обслуживала их по высшему сорту. Она, наверное, отнеслась бы даже хуже к послам Гондураса или Гватемалы, появившись они здесь (мало ли бывает чудес!), чем к ним, двум свободным художникам слова и фотомонтажа. А почему? А потому, что они умели пошутить, знали толк в каламбурах. И не грубо шутили, к чему давно притерпелось ухо замечательной официантки Клавы-Клавдии, а беззлобно, словно с некоторым обещанием чего-то хорошего, что должно обязательно случиться в нашей или вот вашей жизни. Так? Так. Потом они забылись. То есть разговаривали о вещах, которые волновали только их, ни на кого не обращая внимания, в том числе и на Клаву-Клавдию. Тем для таких разговоров было несколько. Во-первых, работа (это тема бесконечная). Во-вторых, женщины. В-третьих, конкретные женщины. О жене Петрова не говорили почти никогда. Там как бы раз и навсегда было все ясно: Люсьен, как называли ее близкие, не вмешивалась в дела мужа, она позволяла Петрову жить, как это ему кажется правильным. Доверяла? Да, доверяла. А еще что? А то, что у нее была философия: мужчина не должен себя чувствовать подавленным женщиной. Иначе начнет вести двойную жизнь. А то и тройную. Так? Так. Поэтому о жене Петрова говорили редко, там все ясно, и Юрик, надо

сказать, глубоко завидовал Петрову. Говорили-то как раз о жене Устьянцева. Вернее, о его полумене, «Анна на шее», как намертво припечаталось к ней прозвище среди редакционных коллег Устьянцева. Кроме тоскливых затравленных глаз у Юрика Устьянцева была тоскливая затравленная личная жизнь. Верней, он сам ее сделал таковой. Не волевым, конечно, усилием, наоборот – попустительством своим. А может, не только своим. Ведь как было дело? Уехал как-то Устьянцев в командировку – ни много ни мало, а в Монголию. На два месяца. Оставил в Москве жену и годовалого сына. Вернулся – стосковался по жене, а она, черт знает что, в постели к нему не с объятиями, а с анекдотами. С грубыми такими, сальными. Юрик оторопел. Не от анекдотов, конечно (хотя и от них тоже), а от того, как же можно... Ведь два месяца не виделись! И вот вместо любви... Юрик Устьянцев был самолюбив и щепетилен. Ни с того ни с сего взял и брякнул:

«Я все знаю!»

«Что ты знаешь?»

«Все! Мне соседи рассказали!» – Хотя никакие соседи ничего ему не рассказывали.

«Что они тебе рассказали?»

Вместо ответа он – неожиданно даже для самого себя – вlepил ей пощечину.

Она расплакалась.

«Это было всего один раз. Случайно...»

Он ударил еще раз. От боли ударил, от крика сердечного, а не для того, чтобы признавалась дальше. А она не поняла, заплакала сильнее.

«Ну, не один раз... несколько... Я сама не знаю, как это получилось. Это ужасно... Мне страшно... Прости меня, Юрик! Ради Бога, прости...»

Юрик был не тот человек, чтобы прощать подобные вещи. Почернел, но развелся. Жена ушла к тому, с которым веселилась, пока Устьянцев снимал во всех ракурсах виды Монголии на цветную пленку. Ушла, конечно, не одна – с ребенком. Юрик и это вынес, потому что не мог вынести главного – чтобы телом любимой женщины пользовалась еще какая-то сволочь. Не мог делить с кем-то родное тело. Но штука-то вся не в этом. У жены была подруга – Аня. Полное имя – Анна. И вот эта Анна взяла сторону не лучшей подруги, а Юрика Устьянцева. После развода Юрика с женой Анна порвала всяческие отношения с подругой, а с Юриком, наоборот, отношения поддерживала даже более усердно, чем прежде. В отличие от несколько нервической, если не неврастеничной, жены Устьянцева, Анна обладала одним замечательным качеством, которое Юрику приходилось по душе, – она была феноменально спокойна. Спокойные глаза. Спокойный поворот головы. Спокойный жест руки, когда она поправляет непослушный локон, – светлые роскошные длинные волосы и голубые глаза. Спокойно выслушивает любые новости. Даже если бы ей сказали, что через секунду над ней разорвется бомба, она бы тоже спокойно кивнула и спокойно отошла в сторону. Секунды ей хватило бы, чтобы сделать все со спокойным достоинством. И вот так получилось: Анна приходила в гости к Устьянцеву, Юрик проклинал всех женщин подряд, Анна соглашалась с ним, и однажды утром, конечно, они спокойно проснулись в одной постели.

Анна перебралась жить к Юрику Устьянцеву. При этом у нее сохранилась и своя жилплощадь. Когда Юрик Устьянцев чересчур бушевал, Анна спокойно уходила к себе, а когда Устьянцев одумывался, Анна так же спокойно возвращалась к нему.

Так продолжалось семь лет.

Семь лет – «Анна на шее».

Помнится, в первые месяцы Устьянцев не на шутку обижался на друзей, когда, к примеру, его спрашивали:

«Ну, как, Юрик, шея не болит?»

«При чем тут шея?»

«Да ведь нелегко – Анна на шее. Нелегко, старик, а?»

«Да пошел ты!..»

С Петровым как с человеком более близким Юрик Устьянцев чаще всего говорил именно об Анне. Начинали о женщинах, а кончали всегда Анной. Она была для Устьянцева как бельмо на глазу. Как заноза в сердце. Как мозоль на пятке. И пять лет назад, и шесть, и семь – тема разговора оставалась постоянной: жениться Устьянцеву на Анне или не жениться? Вот и в тот вечер, когда они сидели в ресторане Савеловского вокзала, они в конце концов подошли к этой теме: жениться или не жениться?

Петров как семейный человек мнение имел твердое: жениться! Женщины вокруг, которые нам нравятся, – это передний край борьбы, а семья – наш тыл. Тылы у мужчины должны быть обеспечены. У настоящего мужчины, подчеркивал он. Потому что иначе однажды проснешься, а стакан воды подать некому. Любимые женщины – их нет, они на передовой, с другими мужчинами. А жена – она рядом. Она стакан подаст. А ведь если не сделать единственный глоток, таблетка валидола или нитроглицерина застрянет в горле. И сердце разорвется. Так-то, дорогой... Настоящий мужчина, воюя на передовой, делаю свою судьбу, обеспечивает себе и тылы. Запомни, старик: ты-лы!

– Ерунда, – не соглашался Устьянцев, хотя так хотелось согласиться в душе. – Семь лет она живет со мной – семь лет не изменяет. А стоит сыграть свадьбу, дело примет другой оборот. Дело станет темное. Сейчас-то она боится потерять меня. Страх – вот отгадка женской нравственности.

– А твоя нравственность? – демагогически вопрошал Петров.

– Какая еще моя нравственность?

– Ну как?.. Семь лет спишь с женщиной, пользуешься ею, вводишь ее в заблуждение, она на что-то надеется... А ты... согласишься, старик, это безнравственно.

– Не хочет – не надо. Я ведь не прошу.

– А если привыкла к тебе?

– Я не просил привыкать.

– Нет, старик, кончится это вот чем: она тебя возненавидит. Если уже не ненавидит.

– За что?

– Ты же пьешь ее. Тело ее пьешь. Душу. Молодость. Надежду... Ты высасываешь ее, а потом в один прекрасный день проснешься, откроешь глаза – она пустая.

– Это все метафоры. Ты мне скажи конкретно, жениться или нет?

– Жениться. Конечно. Рекомендую, кстати, самого себя в свидетели.

– Не верю я женщинам...

– А себе?

– Чего себе?

– Себе ведь тоже не веришь, а вот живешь. И ничего, обходишься. Нормальный ход, старик.

– Почему это я себе не верю?

– Ну а как же... В том смысле, что нам разве верить можно? Нам разве может верить хоть какая-нибудь женщина?

– Я никого не обманываю. Я холост. Не хотите – не надо. Я прошел стороной. Я мимо.

– А то, что сегодня – с одной, завтра – с другой, потом – с третьей, – это как?

– Я-то холост. А вот ты, товарищ Петров, ты женат, с тебя и первый спрос! – Юрик Устьянцев, довольный тем, что разговор повернулся в сторону Петрова, даже рассмеялся и, кстати, пока смеялся, несколько осмотрелся вокруг.

Ресторан не изменился. Те же стены, тот же высоченный, с подтеками, потолок, те же цыгане, дети их, разукрашенные разноцветьем одежек, те же официантки во главе с Клаввой-Клавдией и тот же набриллиантенный официант с золоченой фиксой, – все то же, но кое-что... Юрик Устьянцев успел, пока смеялся, перехватить чужой взгляд. Надо же, пока они

с Петровым сидят здесь, разговоры разговаривают, в зале случились существенные перемены. А именно: через несколько столиков от них сидят две симпатичные девушки. И самое главное, Юрик Устьянцев успел перехватить взгляд одной из них. Верней, они встретились взглядами, пока он смеялся, а потом она тут же опустила глаза. И глаза эти Юрик теперь все время помнил, а ведь разговор сам собою продолжался дальше...

– Обо мне речи нет, – говорил Петров, – я женат, глава семьи, отец, живу в полном соответствии с назначением природы. С общественным идеалом. Да я хоть загуляйся – ни в природе, ни в обществе ничего не изменится.

– А я? – Юрик Устьянцев в то же время не упускал из виду девушек за столиком.

– А ты для общества совершенный ноль. Ну, для природы ты еще так себе, есть кое-что, сына произвел. Однако заметь – сына-сироту, так что для общества ты не просто ноль, а ноль, отрицательно заряженный. Что касается женщин, то есть потенциальных невест, ты для них просто ловушка. Свет для бабочки. Омут для окуня. Паутина для мухи.

– Чувствуется, чувствуется, товарищ Петров, бойкое журналистское перо! Жаль, нет с собой вспышки, а то можно было бы запечатлеть для потомков ваше взволнованное лицо!

– Юрик! Товарищ Устьянцев! Мое вдохновенное лицо потомки и так не забудут – род Петровых бессмертен. Запомни – бессмертен! А вот Устьянцевы, кажется, вымирают уже в нынешнем поколении.

– Между прочим, Владик, сбоку от нас, через два столика, сидят две девушки. И одна из них очень заинтересованно поглядывает на тебя.

Устьянцев не обманывал Петрова: девушка и в самом деле поглядывала на него. Больше того, поглядывая на Петрова, девушка иногда говорила что-то подруге, та оборачивалась и тоже смотрела в сторону их столика, а именно – на Петрова. Устьянцев привык к тому, что женщины всегда выделяют Петрова. Ну, а как же – высокий, спортивный... Но иногда это злило. Черт, ну что такого заманчивого они находят в длинных ногах или в длинных руках? Сам себе, конечно, Устьянцев нравился больше – пусть он маленький, но все же сложен более гармонично, пропорционально, что ли. А вот нет, хоть убей, подавай им высоких лбов. Жердей им подавай. И они уже готовы. Уже поглядывают. Пересматриваются. Пересмеиваются.

– А, да черт с ними! – махнул рукой Петров. – Надоели.

А вот этого, таких жестов, такой легкости Устьянцев позволить себе не мог. Не получалось. Женщины завораживали его. И хотя он знал, что Петрова они тоже завораживают, однако, знал и другое: Петров позволял себе некоторую небрежность по отношению к ним, легкое подраживание и даже временами легкое презрение. И ему все сходило с рук. Больше того – тем сильней он привлекал к себе женщин.

– Не скажи, Владик, – возразил Юрик Устьянцев. – Одна из них очень даже хороша.

– Которая? – Петров обернулся и небрежно посмотрел на девушек. Обе они сразу опустили глаза.

– А вон та, с косичками, как с нимбом, вокруг головы. С голубым шарфом на шее.

– Уже присмотрел себе поменьше? – усмехнулся Петров.

– Причем тут поменьше? – обидчиво протянул Устьянцев. Условно обидчиво, конечно.

– А при том, что поменьше – она и в самом деле ничего. А вон та, с длинным носом, она, конечно, мне?

– Не говори пошлости, товарищ Петров. Ты же мастер живого великорусского слова! Они обе съедают взглядом тебя.

– Выбирай любую, но про ранжир не забывай. Так, что ли? – усмехнулся Петров. – Ладно, чего не сделаешь для друга... – Он поманил пальцем Клаву-Клавдию.

На этот раз роскошная эта женщина не заставила себя ждать. А чего? Эти два парня определенно нравились ей. Даже если они не журнал исты, а трепачи – все равно. Хорошего человека, который не жаден на деньги, его за версту видно.

– Клавочка, – спросил Петров, – надеюсь, в вашем заведении найдется бутылка холодного шампанского?

– Шампанское найдется, – кивнула Клава-Клавдия, – вот насчет холодного – не знаю, ребята.

– Понимаете, двум нашим давним подругам, актрисам кино, очень душно, по-моему. Угостите их холодным шампанским. Разумеется, за наш счет.

– Актрисы кино? Где? – удивилась Клава-Клавдия.

Петров кивнул на столик, где сидели девушки. Они как будто чувствовали, что разговор идет о них. Как-то притихли, присмирели.

– А, эти... – понимающе протянула Клава-Клавдия. – Значит, так, ребята, бутылку шампанского этим девочкам за ваш счет?

– Так, Клавдюша, – согласился Петров.

Клава-Клавдия не усмехнулась, но некое подобие усмешки коснулось ее губ. Впрочем, она ребят на осуждала. Она все понимала. Она знала жизнь.

Потом шло время, они как будто продолжали вести разговор, на самом деле Юрий комментировал события:

– Та-ак... Подошла к ним... Немного удивлены... А как хороши обе, ах, хороши... Та-ак... Та из них, с косичками, смотрит сюда, вот и вторая...

На этом месте Юрий не выдержал, широко улыбнулся им, помахал рукой.

– Но что это... Владик, они мотают головой... они не берут... они не хотят... Все, мы пригвождены к позорному столбу... Клавдюша несет бутылку обратно... Спокойно, Владик, без эмоций...

– Ребята, девочкам не жарко. Температура, сказали, вполне сносная, – Клава-Клавдия улыбнулась им как своим, без издевки. – И вообще, сказали, они от мужчин подарков не принимают.

– То есть шампанское не принимают? – Петров обернулся, посмотрел на девушек внимательно, заинтересованным взглядом. Девушки, конечно, опустили глаза. – А нельзя ли их, Клавочка, в таком случае пригласить к нам? Знаменитый журналист, а с фоторепортажа Юрий Устьянцев празднует сегодня очередной юбилей. Где же почитатели таланта? Где девушки, которые поздравят юбиляра? Пригласите их, Клавдюша. Как представителей народа!

И вдруг – надо же! – опять отказ: Клава-Клавдия вернулась к ним ни с чем.

– За стол к мужчинам, сказали девушки, они не подсаживаются. Попросят извинить, но таким манерам их не обучали.

– Чему их вообще учили? – Петров почувствовал, ситуация начинает интересовать его всерьез. – Ладно, придется пускать в ход дальнобойную артиллерию. Выводить из засады резервные полки. – Вы свободны, Клавочка. Во всяком случае – пока.

Когда Клава-Клавдия оставила их одних, Петров сказал Устьянцеву:

– Ну, я пошел, старик?

– Иди, Владик. Ни пуха, ни пера!

– К черту!

Впрочем, прощались они так торжественно совершенно напрасно. Владик подошел к ним и произнес краткую заповедную речь: «Девушки, вы не пьете шампанское, вы не подсаживаетесь к мужчинам. Добрый вечер! Но у вас за столиком два свободных места, нельзя ли составить вам компанию? Дело в том, что у моего друга сегодня...»

– Пожалуйста, садитесь. Любой человек имеет право занять свободное место. – Это все сказала та, с косичками, уложенными в виде нимба вокруг головы. С голубым шарфиком на шее.

– И мы не помешаем вам? – Петров, говоря откровенно, не ожидал, что девушки так быстро уступят: готовил себя к длительной осаде вражеской крепости.

– А это будет зависеть от вас.

– Спасибо. Кстати, меня зовут Владислав. Моего друга Юрий. И, между прочим, у него юбилей. Десять лет работы в журнале. И кем? Королем!

– Это означает – главным редактором?

– Ну, какая негибкая мысль. Главные редактора – люди с животами. С лысынами. С одышкой или с портфелем. А наш Юрик Устьянцев – король фоторепортажа и фотомонтажа. Между прочим, знакомых красивых девушек фотографирует бесплатно. Только для международных выставок.

– Простите, а вы кто? Лично вы?

– Я – его подмастерье. Делаю подписи к фотографиям. Человек на побегушках.

– Ой, что-то непохоже! – девушки переглянулись и рассмеялись.

– Да, а как вас зовут? Вы не представились, девушки. Впрочем, – прервал себя Петров, – хотите, отгадаю ваши имена?

Они опять переглянулись.

– Ну что ж, попробуйте.

Петров долго смотрел в глаза девушке с косичками. Он чувствовал, имя у нее должно быть какое-то мягкое, нежное, оно должно соответствовать ее облику, светлым золоченым глазам. Например, Маша. Или Настя. Или Катя. Но Кати и Насти сейчас редкость. Может, все-таки Маша?

– Маша, – сказал он.

– Ой, нет, не угадали, – рассмеялась она. – Прохвастались. Саша меня зовут!

– Между прочим, очень близко: Саша – Маша. А потом, – нашелся Петров, – это не совсем честно. У вас полумужское имя. А я только среди женских имен отгадывал...

– Ну, хорошо. Допустим, почти угадали. А как зовут мою подругу?

Петров цепко, внимательно посмотрел в глаза второй девушке. Темные глаза и темные волосы. Удлиненный нос. Если не сказать – длинный. Губы хотя и не тонкие, но резко очерченные. Упрямый подбородок, а в глазах, странное дело, скрытая печаль. Или даже боль. Тут должно быть суровое имя. Строгое. Например, Наталья. Демоническая Наталья. Да, Наталья. Только она.

– Наталья, – сказал наконец Петров. – Если нет – рубите мне сразу голову...

– Ой, точно! – захлопала в ладоши Саша. – Знаете, мы все зовем ее так. Не Наташа, не Ната, а именно – Наталья. Как это вы угадали?

– Да есть у меня склонность к магии и волшебству. Досталась от отца и еще дальше – от деда. Дед мой, кстати, при последнем русском царе числился штатным магом, волшебником и чародеем. Воскрешал из мертвых. Усыплял злодеев. Изобретал порошок любви. Усилием воли зажигал свечи. Впрочем, пардон, мы забыли о нашем юбиляре. О товарище Устьянцеве. – Петров помахал ему рукой: мол, пересаживайся, забирай со стола торжественную снедь и неси сюда; праздник, мол, продолжим с девушками.

Вот так они тогда познакомились с девушками.

... Через полчаса с небольшим девушки стали собираться уходить.

– Да что такое? – не понимал Петров. – Товарищ Устьянцев не сделал еще ни одного снимка, а натура исчезает. Юрик, скажи им! В чем дело?

– Мальчики, – Саша достала из сумочки зеркальце и начала подкрашивать губы, – мы вас предупреждали сразу. Мы уезжаем, мальчики. Извините.

– Куда?

– В Ярославль. У нас скоро электричка.

– Но почему расставаться именно сейчас?

– Потому что нам еще нужно ехать с Савеловского на Ярославский вокзал. Вам не повезло, мальчики. Очень жаль, что мы не из Москвы. Мы уезжаем.

– А как же праздник товарища Устьянцева? Как его юбилей? И что станет с его персональной выставкой в Париже, если там не будет ваших милых мордашек?!

– Ах, Владислав, вам бы работать не в журнале, а в рекламе. У вас дар, честное слово!

– Спасибо, Саша! Но зачем же было приезжать, если вы так сразу уезжаете? Ведь мы толком даже не познакомились!

– Но мы же не затем приехали, чтобы познакомиться с вами.

– Как это! – валял дурака Петров. – Именно чтобы познакомиться с нами. Иначе зачем?

– Мы приехали, чтобы купить Наталье шубу.

– Шубу? – удивился Петров. Разговор, надо сказать, вели в основном Петров с Сашей.

Устьянцев с Натальей отмалчивались. – Какую шубу?

– Обыкновенную.

– Нет, в самом деле, что за шуба? – всерьез встрепенулся Петров.

– Наталья, ты готова? – спросила Саша, хотя Наталья сидела не шелохнувшись, не смотрела в зеркальце, не красила губы и не теребила сумочку. Она была спокойна, ожидая, когда Саша закончит приводить себя в порядок. – А шуба обыкновенная, – продолжала Саша, уже для Петрова. – Искусственный мех. Производство США. Пятьсот рублей. И представьте, нет нигде. Всю Москву облазили.

– Ха! – воскликнул Петров. – Чего ж вы раньше молчали?! Да нам такую шубу достать – раз плюнуть! – Вот тут-то он и хотел добавить: «Кстати, у моей жены тоже американская!» – но вовремя сдержался, хотя это была правда: у Люсьен была именно эта шуба, Бог ее знает через кого и приплыла к ним.

– Ведь врешь? – Саша оторвалась от зеркальца, с интересом взглянув на Петрова.

– Слушай, я же не ханыга. Я журналист. Моя фамилия – Петров Владислав Юрьевич. Открой любой номер нашего журнала – и что ты там увидишь? Ты увидишь там мои очерки на морально-нравственные темы. Запомни, детка: на морально-нравственные!

– Между прочим, – неожиданно подала голос Наталья, – я читала ваши очерки.

– В самом деле? – удивился Петров. – Так, проводим тест на честность. Хотя бы одно название? Название хотя бы одного очерка?

– Названия я не помню... – медленно проговорила Наталья. – Но один раз это было о мальчике... Он убежал из дома. И еще... О парне, который после армии поехал работать на Север. А его там убили...

– Так, так... – и взволнованно, и удивленно кивал головой Петров. Ведь и в самом деле не часто встретишь живого читателя, который знает, оказывается, твои очерки. – И как, понравились? – спросил он.

– Понравились. Я вообще люблю читать на такие темы. О любви, о честности, о долге, о добре. И всегда завидую журналистам – как много интересного бывает у них в жизни! Сколько встреч с прекрасными людьми!

Тут подал голос и Юрик Устьянцев:

– Так что, Саша, разве может обмануть такой человек? Сказал: купит шубу, – значит, купит.

– Нет, вы в самом деле можете достать такую шубу? – спросила серьезно Наталья у Петрова.

– Шубу? Американскую? Конечно!

– И если я вам пришлю деньги, действительно купите?

– Куплю! (А что надо было отвечать: не куплю? Да он был уверен, что все равно это ничем не кончится, застольный разговор, обычный треп, которому и значения-то придавать не нужно.) Вот, пожалуйста. – Петров вытащил из кармана авторучку и на салфетке размашистым почерком написал свой домашний адрес. – Присылай деньги в любой момент – и шуба у тебя в кармане.

– Я думаю, – сказал Юрик Устьянцев, – надо это дело отметить. Торжественно, конечно. Саша с Натальей переглянулись: обманывают их или нет?

– В конце концов, – добавил Юрик, – можете уехать и позже.

– Осталась всего одна электричка. Через час. Последняя.

– Можно и последней. Какая разница?

– Да, – первой кивнула именно Наталья, а не Саша. – Можно и последней... – И Саша кивнула в поддержку: можно, конечно, о чем разговор.

...Позже, когда ушла и последняя электричка, выхода не оставалось никакого: брать такси и ехать всем вместе к Юрику Устьянцеву в гости. Его «Анна на шее» была в очередных бегах, так что ехать можно было смело. Да и то сказать – на этот раз девушек уговаривать долго не пришлось. У них словно открылись глаза: они полностью доверились Петрову с Устьянцевым. Да и что может случиться с ними? Ничего, конечно.

Все, что нужно, взяли с собой из ресторана.

Да и не в этом главное. Главное – были вместе. Сидели на квартире у Юрика Устьянцева.

Музыка. Разговоры. Свет уютной настольной лампы. Что еще нужно... Саша танцевала то с Юриком, то с Петровым. Заглядывала ему в глаза. Собственные ее глаза блистали золотом. Наталья не танцевала. Отказывалась. Она сидела в самом углу, прижавшись к серванту, откинув голову на подушку дивана. Кажется, исподволь наблюдала за Петровым. Любовалась им?

Потом, когда Петров с Сашей вышли из комнаты, взгляд у нее потух. Посерел лицом и Юрик Устьянцев. Устало провел ладонью по глазам.

– Почему ты не танцуешь? – спросил Юрик просто так, потому что не мог представить себя танцующим с Натальей: она чуть не на две головы была выше его ростом.

– Помолчим, ладно? – попросила она, закрыв глаза.

«Может, поцеловать ее? О Господи, не могу...» – думал Юрик. Он злился на Петрова.

А на кухне Саша говорила Петрову:

– Я хочу быть с тобой.

– Детка, я тоже этого хочу. Но – нельзя.

Они целовались.

– Я не хочу с Устьянцевым. И потом – запомни: тебе будет плохо с Натальей. Я знаю...

– По-другому нельзя. Юрик мой друг.

И снова целовались.

– Я тебе нравлюсь?

– Ты всем нравишься.

– А тебе?

– И мне.

– Я хочу быть с тобой.

– Нет. Ты будешь с Устьянцевым. Я буду с Натальей.

– Ты ничего не знаешь. Это невозможно.

И опять целовались.

– Пойдем, – сказал Петров. – Без нас им плохо. Мы не должны их бросать. Мы же люди...

– Какой ты противный!

Петров рассмеялся.

– Ну, чего ты смеешься? – спросила Саша, и в глазах ее нешуточно заблестели слезы.

– Пойдем, пойдем, – потянул ее за собой Петров.

Когда они вернулись, Юрик Устьянцев, мастер фотопортрета, цепким взглядом окинул их с ног до головы. Он как бы оценивал натуру. Прикидывал, в каком ракурсе запечатлеть ее на пленке, чтобы раз и навсегда высветить сущность человека. Что такое сущность человека? Это правда о нем. Вот правду и нужно создавать.

Наталья, наоборот, даже не взглянула на них. Сидела, откинувшись на подушки, полуприкрыв глаза и слушая музыку.

– Старик, ты бы хоть щелкнул нас, что ли, – потирая руки, весело проговорил Петров.

– Щелкают орехи, – мрачно ответил Юрик. – Иногда их бьют молотком. Для верности.

– Девочки, а не перетащить ли нам грязную посуду на кухню? – не меняя веселой интонации, предложил Петров. – Честное слово, время позднее, пора и отдыхать...

В который раз за этот вечер Наталья с Сашей переглянулись, но за посуду все-таки взялись. Потом на кухне зазвенела тугая струя воды...

– Старик, – сказал Петров Юрику, когда они остались одни, – стели постели. Если честно, я устал. Мне все это до смерти надоело.

– А баб у меня не надоело отбивать?

Петров подошел к Юрику Устьянцеву, усмехнулся, наклонился над ним, погладил его по маленькой, начинающей лысеть голове.

– Юрик, стели постели. Не нужно мне твоё сокровище. Дарю. На память.

– Врешь? – Под рукой Петрова Юрик почувствовал себя мышонком, с которым играет не кошка – тигр. Отчего и голос его прозвучал хрипловато, когда он произнес это нагловатое: «Врешь?»

– Я сказал, она будет с тобой. Иди стели постели в другой комнате. А нам с Натальей здесь.

– Она что, отшила тебя? – Юрик Устьянцев с трудом прятал в этом саркастическом вопросе радостные нотки.

– Да, Юрик, отшила. Она сказала: «Ах, Владик, мне так нравится товарищ Устьянцев. Мне хочется взять его на руки и побаюкать. Он такой маленький, но такой великий. Я хочу стать его Музой. Отдайте мне великого Устьянцева!» Хорошо, отдаю. Передаю по рукам.

Юрик Устьянцев вывернулся из-под ладони Петрова.

– Идти стелить?

– Иди стели, Юрик, – устало кивнул Петров.

...Сидели с Натальей за столом. Молчали. Как все это надоело Петрову. Эта изначальная предопределенность. Он положил руку на плечо Натальи.

– Не надо, – передернулась она. Как будто ее током ударило.

– Ну, тогда я буду ложиться спать, – полусказал, полуспросил он.

– Как хотите, – ответила Наталья.

Горела настольная лампа. Не стесняясь Натальи, Петров разделся, повесил одежду на стул, лег.

Лежал, закрыв глаза. Молчали.

– Ты что, так и будешь сидеть?

– А что?

– Отдыхать надо. Время позднее.

– Я могу выключить свет.

– Вот, сделай милость. Выключи, пожалуйста.

Она нажала на кнопку настольной лампы. Комнату охватил мрак. Слышали дыхание друг друга. В окно светила луна.

– Ну что, так и будешь сидеть в темноте?

– А что?

– Ложись спать.

– Нет, я пока еще до такой низости не дошла.

– Ого! – усмехнулся Петров.

– Неужели так можно? – спросила она. – В первый раз увиделись – и сразу в постель?

– Что здесь такого?

- Я о вас была гораздо лучшего мнения.
 - По статьям?
 - По статьям. И вообще.
 - Ну вот теперь посмотри, какие мы есть. Правде нужно смотреть в глаза. И потом – разве я пристаю к тебе? Насилую?
 - Нет, не пристаю. Но вы ведете себя так, как будто в этом нет ничего зазорного. Это ужасно. Это противно.
 - А Саша?
 - Это ее дело... Она человек легкий. Пустой. Но вы... с вашим умом, эрудицией. С вашей душой.
 - Откуда ты о моей душе знаешь?
 - А очерки? Сколько в них света, тепла, доброты. Я ведь не знала, что встречу с вами. Я плакала, когда читала некоторые из них.
 - Ой, врешь! – не поверил Петров, но на душе у него стало нехорошо: ему хотелось поверить ее словам, ее правде, но...
 - И сегодня, когда я увидела вас... Вы такой сильный, высокий, стройный. И вдруг...
 - И еще у меня жена есть. И сын. Так что полный портрет разложившегося типа.
 - Зачем вы сами на себя наговариваете?
 - Да нет, правда: у меня жена, сын.
 - Я не об этом.
 - А о чем?
 - Зачем вы ведете себя так, будто вы гораздо хуже, чем на самом деле?
 - На самом деле я еще хуже, чем кажусь. Мы все кривляемся и ломаемся. Нам плохо от этого, во всяком случае – не хорошо, но маховик жизни остановить нельзя. Запомни это, детка.
 - Вы не такой лицемер, каким хотите представить себя.
 - Я еще хуже.
 - Ну вот, например, вы тактичный. Вы не лезете ко мне. Не обнимаете. Вы не тянете меня в постель.
 - Это я хитрю. Все, что я делаю, я делаю с умыслом. Мне нужно войти к тебе в доверие, а потом добиться своего. Вот и вся отгадка. Я страшный человек.
 - Страшные люди никогда так не открываются. Вам просто плохо. Только вот не пойму – почему?
 - Мне? Плохо? Не смейся меня, девочка!
 - Не нужно так говорить.
 - Ладно, я буду спать. Спокойной ночи!
 - Спокойной ночи.
- Через некоторое время он не выдержал, спросил:
- Неужто ты всю ночь будешь сидеть за столом?
 - Не знаю.
 - Ну, хорошо. Когда передумаешь, разбуди. Поменяемся местами.
 - Хорошо, спасибо.
 - Слушай, честное слово – ты героиня. Мне нужно обязательно написать о тебе очерк. Я так и вижу броский заголовок: «Героиня нашего времени – Наталья Икс!» Где ты работаешь?
 - Мы вам рассказывали.
 - Ах, да, Саша – студентка пединститута, а ты... Так, постой, надо напрячься... Секретарь-делопроизводитель у ректора. Так?
 - Да... Вот видите, все вы запомнили о нас, а наговариваете на себя.
 - Это просто профессиональная память. А вот смотри-ка, интересная штука. – Петров приподнялся на локте (видно его было отчетливо, луна за окном стояла полная, яркая). – Что-

то вроде социального разделения получилось. Саша, студентка, с Юриком запросто пошла, хотя, честно говоря, со мной ей хотелось. А ты, секретарша, – ни за что.

– При чем тут социальное разделение? У нас просто разные взгляды на жизнь.

– Почему?

– Этого я не знаю. Ей все просто. Легко. Я так не могу.

– У тебя папа – инвалид, мама – уборщица и семеро братьев-сестер под лавкой. Все мал мала меньше?

– Опять вы за свой насмешливый тон?.. Ну, зачем?

– А все-таки?

– Я живу одна. Будете в Ярославле, заходите в гости. Адрес у вас есть.

– Да, но живешь ты, конечно, в общежитии? В трудных условиях? Выполняешь множество общественных нагрузок? Например, следишь за моральным обликом студентов? Особенно студенток?

– Нет, я живу в небольшой квартире. Муж у меня военный, мы разошлись. Под Ярославлем, в совхозе, живет у меня мама.

– Она Герой Соцтруда, надаивает больше всех молока от знаменитой рекордсменки Буренки?

– Все, спите. Не переносу этот ваш ернический тон. Мне стыдно за вас.

– Ах, простите. Спокойной ночи! Верней, спокойного сторожевания!

– Спокойной ночи.

...Утром Петров проснулся оттого, что кто-то мягко прикоснулся к его плечу. Он открыл глаза. Над ним, склонившись, стояла Наталья.

– Мы уезжаем, – сказала она.

– Как уезжаем? – не сразу спросонья понял Петров. – Куда?

– Домой. В Ярославль.

– Погоди-ка. Я оденусь.

На кухне Юрик шепнул ему:

– Слушай, дай им пятерку – и пусть катятся сами. На такси.

Петров знал своего товарища хорошо, но чем люди и любопытны – они не устают удивлять друг друга. Он посмотрел на Юрика с прищуром.

– А ведь нехорошо, товарищ Устьянцев! Лень ноги размять, что ли?

– Да надоели!..

– Вчера надо было говорить это. Вечером. Перед почиванием. А, товарищ Устьянцев?

– Ладно, ладно, благородным захотел побыть... А меня вот соседи увидят. Аньке потом обязательно шепнут.

– Ничего с твоей «Анной на шее» не случится.

Когда они вышли из дома, Петров не столько понял, сколько ощутил: Наталья все время хочет остаться сзади, как бы в тени, что ли. Он подхватывал ее под руку, она смущалась, говорила:

– Ты иди, иди... Я одна хочу...

Пожав плечами, Петров обогнал всех и быстрым шагом направился к стоянке такси. Стоя с поднятой рукой, следя за дорогой, он слегка покосился в сторону, на приближающихся Юрика с Сашей и Натальей, и вдруг... И вдруг заметил, что Наталья несколько прихрамывает, как бы припадает чуть-чуть на правую ногу. «Не может быть!» – пронеслось в нем, и его охватило озноб, мурашки так и побежали по телу. «Неужели хромает?!» Он все так же следил за дорогой, но боковым зрением, так, чтобы не выдать себя и, главное, чтобы не выдать Наталью, продолжал наблюдать за ней. Как она старалась, бедная, не выказать хромоту, шла – словно все время прячась за спины Саши и Юрика, но сомнений теперь у Петрова не было.

«Слава Богу, пронесло... Боже мой! – стучало не на шутку сердце у Петрова. – Как же не заметил вчера? Как проглядел, идиот? А если бы...»

Только они подошли, из-за поворота выскочило такси. В спешке стали прощаться, необязательные слова, разные обещания. Наталья не смотрела на Петрова. Прятала глаза. Петров обошел такси, наклонился к шоферу:

– Шеф, будь добр, довези девушек до Ярославского. – Он сунул ему пять рублей. – Сдачи не надо.

Высокий, стройный, Петров поднял руку: ну, до свиданья, девочки!

Наталья справилась с собой, помахала, как и Саша, на прощание рукой. Саша даже послала воздушные поцелуи. Только непонятно кому – Устьянцеву или Петрову.

– Все, уехали! – обрадованно вздохнул Юрик. – Фу-у!..

– Уехали, – обронил Петров, с непонятной тоской в глазах глядя вслед уезжающей машине.

– Ты чего это? Уж не влюбился ли?

«Ты заметил, Юрик? – хотел он сказать. – Наталья-то ведь хромая?» – Но почему-то не сказал. И правильно сделал.

Весь день у него было плохое настроение. Юрик Устьянцев ничего не понимал. У него, наоборот, настроение с каждым часом повышалось: ах, какая божественная женщина эта Саша, какая женщина!

– Да заткнись ты! – не выдержал один раз Петров. Он, как только представлял, что мог быть с Натальей...

– Завидуешь, старик? – Юрик Устьянцев сиял, как солнце.

– Да. Завидую. Только заткнись!

За несколько месяцев, что они не были здесь, привокзальный ресторан нисколько не изменился. Вот только одно странно – не видно нигде Клавы-Клавдии. Набриллиантенный фиксатый официант – тот здесь, а их любимой подруги Клавдии – той нет.

– Она в отпуске, – объяснил им фиксатый официант. – Через неделю будет...

– Слушай, друг, у нас к тебе просьба, – с ходу на «ты» заговорил с ним Юрик Устьянцев. Даже Петров удивился этому. – Передай ей вот этот конверт, как только она появится.

– Там, конечно, червонцы, – осклабился официант. – Или сотенные?

– Там фотографии, – с достоинством пояснил Юрик Устьянцев. – Фотографии ее дочери.

– Разрешите взглянуть? – по-военному спросил официант.

Юрик Устьянцев пожал плечами:

– Пожалуйста.

Петрову тоже было любопытно взглянуть.

– Когда это ты успел? – поинтересовался он у Юрика, пока официант разворачивал пакет.

– Да успел... Что такое для профессионала отщелкать одну пленку?

– Щелкают орехи, – напомнил с улыбкой Петров.

– А? – не понял Устьянцев (он забыл о прежнем разговоре).

– Ух ты! – воскликнул официант. – Во деваху у Клавы-Клавдии. Точная копия! Ты смотри, а?!

С разных фотографий смотрела на них девочка лет десяти с совершенно круглым лицом, маленькими – бусинками – глазами и доброй, очень хорошей улыбкой, в которой просматривалась, правда, некоторая растерянность или, скорей, удивление: с чего это, мол, меня фотографируют?

– Ты что же это, специально ездил снимать ее?

– Я же обещал, старик. Слово профессионала – слово кабальеро. Значит, так, старик, – обратился он уже к официанту. – Во-первых, как тебя зовут?

– Павел.
– Значит, так, Павлуша, Клава-Клавдия обычно угощала нас вырезкой. Два таких хороших свежих куса с кровью. Салат посвежее. И международный армянский. Так? – спросил он у Петрова.

– Так, – подтвердил Петров.
– Будет сделано, ребята. Ох, Клава обрадуется! Чес-слово, ребята, сдери с нее!
– Смотри не жадничай. Не порть ей подарок. Скажи: это подарок от знаменитых журналистов.

– Так и скажу. – Павел побежал выполнять заказ.
– Когда это ты успел все-таки? – поинтересовался Петров.
– Говорю тебе: слово профессионала... Я же обещал.
– А без дураков? Я ведь помню: это я обещал за тебя, а не ты.
– Да заскочил как-то – соку попить. Смотрю – она с дочкой. Ну и щелкнул...
– Щелкают, старик, только орехи, – снова улыбнулся Петров, но Юрий Устьянцев и на этот раз ничего не понял. Не вспомнил.

– Отдать все не мог собраться... А тут ты позвонил.
– Небось все же ездил к ней отмечаться?
– Старик? За кого ты меня принимаешь?! – И, прокашлявшись, спросил: – Ты лучше расскажи, зачем звал? Что там у тебя с Натальей?

Тут как раз подоспел Павел. Потом они сидели спокойно, разговаривали.
– Слушай, Юрий, у тебя, кажется, родственница какая-то есть? В Тюмени?
– Есть. Двоюродная сестра.
– Я слышал, твоей сестре шуба нужна? Американская?
– С чего ты взял, Владик? Мы с ней даже не переписываемся.
– Но в принципе, скажи, она может захотеть такую шубу?
– В принципе – конечно. Хотя, старик, думаю, у нее норковая есть. Муж у нее, Степа Сапрыкин, золото добывает на Севере.

– Это не важно, кто у нее муж. Главное – есть у тебя сестра, которая в принципе может захотеть американскую шубу?

– В принципе – да, старик, может захотеть.
– Ну так вот, товарищ Устьянцев, гроза фоторепортеров и мастер фотомонтажа, выкладываю вам новость. Наталья из Ярославля прислала мне деньги. Пятьсот рублей. Вот, почитай. – Он протянул Юрику бланк извещения.

Юрик удивленно взглянул на Петрова, но бланк взял, повертел его перед глазами, потом начал медленно читать послание Натальи.

– Ты вслух почитай! – попросил Петров. – Хочу еще раз прослушать эту замечательную музыку.

– *«Владик, дорогой! – послушно кивнул головой Устьянцев и повысил голос до патетизма. – Не знаю, вспоминаешь ли ты меня, скорей всего – нет, кто я для тебя, так, обычная знакомая, каких у тебя наверняка много. Я к тебе обращаюсь по делу, на большее не рассчитываю. Помнишь, ты говорил: для тебя ничего не стоит достать шубу из искусственного меха. Производство – США. Посылаю тебе деньги, как договаривались. Заранее благодарная – Наталья. P.S. Живу скучно. Часто вспоминаю тебя. Нашу встречу. Читаю твои очерки. Горжусь знакомством с тобой. Наталья».*

– Ну и как, старик? – улыбнулся Петров. – Какой слог? Каково содержание?
– Слушай, а обо мне ни слова. О Саше тоже молчок.
– Да при чем здесь ты и Саша? Я тебе говорю – деньги прислала. Пятьсот рублей. Шубу ей, видите ли, купи! Эй, купец из Охотного ряда Владислав Петров, нам шубу!
– Ну, это само собой, баба с приветом, – согласился Юрий.

– Нет, как тебе это нравится: на домашний адрес присылает деньги – да еще с таким посланием, а?!

– Сто раз говорил тебе: не бросайся обещаниями! Не давай телефона! Домашнего адреса! Но тебе что – у тебя душа широкая.

– Кто знал, что она всерьез?

– А женщины всегда всерьез. Это нам не надо серьезности, нам лишь бы как... А им – только всерьез. Эх, старик, да мне ли тебя учить? Ты же ас в таких делах.

– Придется шубу эту ей добывать, – как бы не слушая Устьянцева, проговорил Петров.

– Да ты что, дурак? – возмутился Юрик. – Вышли деньги назад – и баста. Можешь написать в конце: лечиться надо, если шуток не воспринимаешь.

– Да нехорошо, понимаешь. Она же верит мне. Очерки мои читает. Неудобно.

– Верит – это ее дело. А где ты шубу добудешь? Вернешь деньги – ничего страшного. Мол, извини, сейчас не до этого.

– Да есть у меня одна идея...

– Ох, я смотрю, глубоко она тебя допекла! Уж не влюбился ли ты, старик?

– Да брось, брось, – махнул рукой Петров. – А идея такая... Скажем, звонишь ты мне домой и просишь: слушай, старик, продай шубу, моей сестре в Тюмени позарез нужна. Если не добуду – все, каюк родственным связям.

– Ты чего, спятил? Какую шубу? – изумился Юрик.

– Ты забыл? – спросил Петров. – У моей жены как раз такая шуба. Американская.

– При чем здесь Люсьен?

– Да она давно просит другую шубу. Эта маловата. Раздобрела за последнее время.

– И ты хочешь, чтобы я купил вашу шубу?

– Гибко мыслишь, старик.

– А на какие шиши?

– Ты что, дурак? Я даю деньги – ты покупаешь шубу.

– Да она же ношенная!

– Точно. Поэтому ты купишь ее не за пятьсот, а за четыреста. Кто сказал, что Наталья просит новую? И потом – шуба как новая. Так и напишу – Наталья, достал с рук. Или там в комиссионке. Она поймет – женщина.

– Да на черта тебе нужна эта катавасия? – пожал плечами Юрик.

– А мы тут сразу нескольких зайцев уьем. Во-первых, я сдержу слово. Шубу Наталья получит. Во-вторых, избавлю от шубы жену. Она мне давно голову проела: хочу другую, хочу новую. А где я ей деньги возьму? В-третьих, у нас с тобой навар будет.

– Какой навар? – не понял Юрик.

– Прислала она пятьсот, а ты купишь у нас за четыреста. Сто рублей наvara.

– Постой, постой... но это же, старик, не совсем... Это же черт знает что...

– Да кого мы обманываем? Ну, хорошо, можем купить шубу у жены и за пятьсот рублей. Тогда все деньги ее будут. Были у Натальи – станут у Люсьен. Только и всего. Шуба-то стоит пять сотен. Может, она и дороже стоит, Бог ее знает... А так мы Люсьен внушим – поношенная все-таки, за четыреста вполне по-божески. Она согласится. Поартачится – но согласится. Поймет. Лучше четыреста и новая шуба, чем старая шуба и шиш с маслом.

– Кого обманывать собираемся, старик?

– А никого, понял?! Я сам себя обманываю – и только. Моя семья вместо пяти сотен получит четыре. Вот и все. Почему я все деньги должен отдавать Люсьен? Да им хоть сколько давай – они все проглотят. И спасибо не скажут!

– Это точно, – согласился Устьянцев. – Но все равно... Казуистика тут какая-то.

– Да тебе-то что? Моя шуба, мои деньги. Тебе только и нужно: позвони Люсьен и умоли ее продать шубу для дорогой двоюродной сестры. А иначе она погибнет, замерзнет на Севере.

– Так-то оно так...

– Да ты пойми – я все рассчитал. Мы никого не обманываем, только я себя накалываю. Но это уже мое дело. Пустим сотню на карманные расходы – и все дела. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы. Ну?!

– Да позвоню, конечно, чего мне... Есть тут, конечно, того... Но как подумаешь, и в самом деле – ты только себя накалываешь. Ведь будешь Люсьен новую покупать – к четыремстам все равно придется добавлять. Сотню, а то и две...

– Ха, добавлять! Но это уже будет официально, в открытую, заработанное! Их никуда не спрячешь. А тут сотня наша... Нам с тобой – подарок, Наталье – подарок, и Люсьен – подарок, новая шуба. Каково, а?!

– Ловко! – восхитился наконец Юрий Устьянцев, и на сердце у него, кажется, отлегло. – Эй, Павлуша! – крикнул он, щелкнув пальцами. – Павлуша, подойди, пожалуйста! Есть тут кое-что заказать по новой...

В этот вечер Петров вернулся домой поздно. Жена не спала.

Недовольно гремела посудой на кухне.

– Мне никто не звонил? – спросил Петров. В ответ – еще большее громыхание посудой.

– И вечерней почты не было? – Петров как бы не придавал значения молчанию жены.

Люсьен, протирая посуду, резко развернулась у мойки и насмешливо взглянула на мужа, покачивая с укоризной головой.

– Ах, ах, какие взгляды! – спокойно прокомментировал Петров. Подошел к чайнику, открыл крышку; вода там была. Чиркнул спичкой, поставил чайник на газ. И вышел из кухни. Знал по опыту: больше пока разговаривать с женой не рекомендуется.

Заглянул в комнату сына. Семилетний Виталька, тайная гордость Петрова, спал как убитый. Раскинулся в постели, словно совсем маленький: одеяло сбилось в ногах, подушка вообще в стороне. Петров улыбнулся. Подложил подушку под голову Витальке, прикрыл одеялом. Постоял рядом, полюбовался сыном. Виталька как две капли воды был похож на отца – отсюда все его радости и беды. Когда все хорошо, Люсьен лелеяла сына; когда ссоры или нелады – Люсьен вымещала зло на сыне, одним видом своим (похожестью на отца), вызывавшем в ней раздражение. Ох, вырос уже Виталька... В первый класс пошел, а собранности никакой. Все в комнате разбросано. Одежда. Инструмент. На столе – в беспорядке книги и тетради. Единственное, что в идеальном порядке – расставленные шахматы на маленьком столике. Петров еще раз улыбнулся, потеревил голову сына, взъерошил ему волосы. Ждал, видно, отца. Расставил шахматы и ждал. Это у них было заведено с тех пор, как он выучил сына играть в шахматы (с четырех с половиной лет), – каждый вечер по одной, а то и по две партии. Но сегодня не дождался. Сегодня папка загулял. Сегодня у папки важные дела.

Вернувшись на кухню, Петров отключил газ – чайник вовсю кипел, но Люсьен делала вид, что ничего не замечает. Она вообще не замечала мужа. Он сейчас не числился в списке ее знакомых. А что? Он там шляется Бог знает где, а она должна... Да плевать она хотела на него!

Петров налил себе чаю в большую пол-литровую кружку, насыпал побольше сахара, устроился за столом как ни в чем не бывало, смакуя каждый глоток.

– Не напоили тебя там! – не выдержала Люсьен.

– Между прочим, – спокойно произнес Петров, – у меня для тебя новости.

– Знаю я твои новости, за версту несет,

– Так вот, новости такие, – продолжал Петров. – Если тебе, конечно, интересно...

– Ничего мне от тебя не интересно!

– Да? А я думал, новая шуба тебя заинтересует, – небрежно обронил Петров.

– Какая еще шуба? – с подозрением, на всякий случай саркастически усмехнувшись, спросила Люсьен, но все тело ее, незаметно для нее самой, сразу напряглось, подалось вперед. Она присела на стул, напротив мужа, – по другую сторону стола.

– Юрик сегодня говорил: может достать отличную шубу. Спрашивал: нужна? Я сказал: нужна.

– На какие шиши?

– Ну, это уже другой вопрос. Главное решить: нужна тебе новая шуба или нет?

– А ты будто сам не знаешь?

– Да ведь у тебя есть шуба. Неплохая, кстати.

– Ну да, неплохая! Тянет в плечах и в бедрах по швам трещит. Мала давно, а ты все делаешь вид, что нормальная. Другой давно бы купил жене новую...

– Вот я Юрику и ответил: нужна.

– А деньги?

– А что деньги? – пожал плечами Петров и, кстати, пользуясь моментом, спросил: – У тебя к чаю ничего не найдется? Торты там или кексы?

– Ты приносил домой торт? Вспомни, когда это было в последний раз?

– Ну, нет – значит, нет. Ладно. Обойдемся. – Он продолжал с удовольствием делать глоток за глотком, обжигаясь, но и не думая взять блюдце.

– Ну, а деньги? – Люсьен теперь нельзя было сбить с толку. Она хорошо помнила, о чем идет речь. О шубе.

– Деньги?

– Да, деньги?!

– Можно, например, старую шубу продать.

– Кому она нужна?

– Да она же совсем новая.

– Ну и что – новая? Покупали ее вон за сколько, а теперь сколько дадут?

– Нормально дадут. Я с Юриком говорил.

– А он что, специалист по шубам? Что-то я не слышала раньше.

– Специалист не специалист, а ищет для своей сестры как раз такую шубу, как у тебя.

– Уж прям именно такую? – усмехнулась недоверчиво Люсьен.

– Сестра написала: только американскую. Как у тебя. И размер подходит. Дело теперь в цене.

– Он что, у нас хочет купить? – недоверчиво продолжала жена.

– Если ты, конечно, не против.

– А я потом без шубы останусь?

– Почему? Поставишь Юрику условие: эту продаю, но чтобы к зиме достал мне другую – новую!

– Гм... И за сколько он хочет купить?

– За четыреста.

– Ой, много!

– А чего много? Да я бы с такого крохобора, как Юрик Устьянцев, все пять сотен содрал. Уж во всяком случае – четыре с половиной точно. Знаешь, как он к одной невесте в гости ходил?

– Как? – искренне заинтересовалась Люсьен.

– Можно, спрашивает, к вам в гости прийти? Можно, конечно. И вот приходит наш жених: вместо цветов четвертинку водки принес и сто граммов колбасы. Аккуратно так завернуто всё в бумагу.

– Ой!.. – рассмеялась громко Люсьен, всплеснув руками. – Да что это он? Ну, нет денег, уж лучше бы правда цветы купил, чем... Ой, не могу! Уморил! – смеялась Люсьен.

Ох, забылась уж она, отошла; простила мужу поздний приход.

– Так что четыре сотни с него – это еще по-божески. На твоём месте я бы с него четыреста пятьдесят запросил.

– Нет, нехорошо! – Люсьен, кажется, даже руками замахала. – Она новая пятьсот стоила. А сейчас... Четыреста и то много.

– За меньшее я не отдам, – набычился Петров.

– Ну, ладно, ладно, – поспешила с согласием жена. – Только не передумает ли Юрик?

– Я ему передумую! – Петров вытянул над столом кулак и с силой сжал его. – Видела? Вот так! Если не хочешь, незачем людям голову морочить.

– Это конечно... Ой, скорей бы! Он когда позвонит? Прямо загорелось что-то внутри. Терпения не хватает.

– Завтра позвонит. Только ты смотри – держись с ним строго. Если не пообещает новую шубу – все, мол, разговор окончен. И чтоб четыреста рублей – не меньше. Поняла?

– Ой, ну конечно, за кого ты меня принимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.